Semenov, A. A.
Na rubezhie Afghanistana

DK
949
.B85
S464
1900
t.1

А. Семеновъ.

НА РУБЕЖѢ АФГАНИСТАНА.

I.

ВЪ БЛАГОДАТНОМЪ ХИССАРѢ.

(Путевые очерки).

Изданіе гр. А. А. Б.

МОСКВА—1900 г.

DUKE
UNIVERSITY
LIBRARY

In memory of
Michael Domaszewicz

№ 539.
3/XII, 1919 года.

А. Семеновъ.

Na rubeżnie Afganistan

НА РУБЕЖЪ АФГАНИСТАНА.

I.

ВЪ БЛАГОДАТНОМЪ ХИССАРѢ.

(Путевые очерки).

Изданіе гр. А. А. Б.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1900.

Дозволено цензурою. Москва. 30 марта 1900 г.

Въ благодатномъ Хиссарѣ *).

Путевые очерки.

Кишлакъ Хакими... Лихорадка у Матъ-Мурада прошла, поэтому завтра рѣшено выѣзжать въ городъ Каратагъ—лѣтнюю резиденцію „Отраженія Эмира Священной Бухары". Сопровождающій насъ бухарскій чиновникъ и мѣстныя чалмоносныя власти давно ужъ торопятъ къ отъѣзду.

Какой сегодня чудный вечеръ! День догораетъ; сѣрою дымкою кутаются окружающія горныя вершины; исполинскія тѣни отъ скалъ тянутся поперекъ долины; лазурь чистаго, безоблачнаго неба чуть-чуть потемнѣла; въ далекой выси, на снѣжныхъ великанахъ горъ, сверкаютъ отблески гасну-

*) Хиссаръ — одна изъ главныхъ Бухарскихъ провинцій. На сѣверѣ она граничитъ съ Самаркандскою областью, на востокѣ примыкаетъ къ Каратегину. Въ этой провинціи живетъ Хиссарскій Куш-беги,—послѣ Эмира второе лицо въ государствѣ,—Бухарскій вице-король, которому неограниченно подчинены всѣ провинціи восточной и юго-восточной Бухары. Второй Куш-беги (въ Бухарѣ ихъ два) живетъ въ столицѣ страны, „Благородной Бухарѣ".

щаго солнца; легкій вѣтерокъ, горячее дыханье благодатнаго юга, доносится откуда-то изъ глубины долины. Изъ-за толстыхъ стволовъ вишневыхъ, тополевыхъ и чинаровыхъ деревьевъ сада видна мнѣ внизу очаровательная долина Каратагъ-дарьи,— извилистой, живописной лентой стелется она и ужъ начинаетъ подергиваться голубоватой воздушной пеленой. Книжка невольно выпадаетъ изъ рукъ: читать не охота. Да и что за чтеніе въ этотъ теплый, восхитительный вечеръ? Сидишь на складномъ стулѣ и, устремивъ взоры на скалы, горы и долины, озаренныя мягкимъ свѣтомъ прощающагося солнца, уносишься мыслями куда-то далеко-далеко... Каратегинецъ Ходжа-Назаръ сидитъ подлѣ на зеленой травѣ и тоже, смотря безцѣльно куда-то, о чемъ-то думаетъ. Вспоминается ли ему его далекая родина, роскошный Каратегинъ, или его мысли сосредоточены на двухъ его страстно любимыхъ дѣтяхъ, о которыхъ онъ такъ часто и особенно нѣжно вспоминаетъ, или же онъ ни о чемъ не думаетъ и такъ же, какъ и я, отдался обаянію тихаго вечера? Мудрено сказать...

— Таксыръ, вдругъ прерываетъ мои сладкія грезы Ходжа-Назаръ:—какіе-то конные люди ѣдутъ сюда! Вонъ, въ долинѣ!

Смотрю. Въ глубинѣ долины, по дорогѣ изъ Каратага, дѣйствительно ѣдетъ нѣсколько человѣкъ бухарцевъ, направляясь къ нашему кишлаку. Лучи солнца изъ-за горныхъ вершинъ, изъ-за острыхъ зубцовъ скалъ ударяли порою на всадниковъ, обли-

лп пхъ яркимъ свѣтомъ и дрожали свѣтовымп пятнами на дорогихъ попонахъ, на сбруѣ лошадей, на бѣлыхъ чалмахъ, пестрыхъ халатахъ и серебрѣ вооруженія.

Впереди всѣхъ ѣхалъ на превосходномъ ворономъ конѣ какой-то всадникъ въ ярко-красномъ, отороченномъ золотымъ галуномъ, халатѣ, опоясанномъ широкимъ серебрянымъ поясомъ, съ громаднымъ бѣлоснѣжнымъ тюрбаномъ на головѣ; его ноги, обутыя въ щеголеватые сапоги, были вдѣты въ ярко высеребренныя стремена. Судя по костюмамъ, по конямъ, по тому почтенію, съ которымъ толпа изъ селенія бросилась помогать пріѣзжимъ сойти съ коней,—это были какіе-нибудь знатные туземцы. Дѣйствительно, пріѣхавшій бухарецъ въ красномъ халатѣ, прямо пройдя къ нашей стоянкѣ и вѣжливо раскланявшись, отрекомендовался „личнымъ переводчикомъ господина Куш-беги". При чемъ, передавъ поклонъ отъ своего повелителя, послѣ обычныхъ на востокѣ разспросовъ о здоровьи и дорогѣ, сказалъ, что Куш-беги очень огорченъ нездоровьемъ заболѣвшаго и прислалъ его узнать, каково состояніе больного? Это была высшая восточная любезность, какую только могъ оказать чужестранцамъ Хиссарскій владыка. Переводчикъ оказался сыномъ казанскаго татарина, по какому-то случаю бѣжавшаго въ Бухару, и прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ. Далѣе изъ разговора оказалось, что онъ съ Эмиромъ былъ даже въ Петербургѣ и теперь состоитъ „при свѣтлѣйшей особѣ"

Куш-беги; между прочимъ, живя здѣсь, въ глуши, онъ получаетъ газету „Свѣтъ“, которую выписываетъ чрезъ Самаркандъ, куда посылаетъ за нею, кажется въ мѣсяцъ два раза, нарочнаго.

По монголо-тюркской физіономіи переводчика трудно было опредѣлить, сколько ему лѣтъ, но его манера держать себя и говорить выражали извѣстнаго рода важность и медлительную спокойность, которыя какъ нельзя болѣе шли къ его высокому положенію. Посидѣвъ около часа, переводчикъ откланялся, извинившись трудностью дороги до Каратага, такъ какъ ему нужно было обратно вернуться въ тотъ же день къ Куш-беги.

Спустя четверть часа, изъ сада видно было, какъ засуетившіеся люди подводили ему коня, усаживали въ сѣдло и, наконецъ, почтительно поднесли кальянъ—неизбѣжное на востокѣ напутствіе на дорогу. Красный халатъ съ наслажденіемъ затянулся нѣсколько разъ, кальянъ захрипѣлъ, заурчалъ, синевато-бѣлый дымокъ вспыхнулъ изъ него, и, энергично сплюнувъ въ сторону, не глядя на низкіе прощальные поклоны окружающихъ людей, переводчикъ Куш-беги со своею свитою торопливо поѣхалъ обратно въ Каратагъ. И долго еще стояла толпа таджиковъ, смотря въ слѣдъ уѣхавшимъ, и долго виднѣлись въ синеватой мглѣ долины бѣлыя чалмы и красный халатъ переводчика.

Къ вечеру слѣдующаго дня мы подъѣзжали къ Каратагу. Утопая въ зелени всевозможныхъ деревьевъ и растеній, подернутый дымкой умирающаго

дня, городъ мирно дремалъ подъ лучами гаснущаго солнца. Вотъ отъ городскихъ воротъ отдѣляется цѣлая кавалькада всадниковъ и двигается къ намъ навстрѣчу. Изъ-за прозрачнаго облака тонкой пыли мелькаютъ бѣлые и пестрые тюрбаны, разноцвѣтные халаты, блеститъ серебро на поясахъ и рукоятках сабель, слышится порою глухой звонъ задѣваемыхъ стремянъ. Кровавымъ пятномъ выдѣляется среди всѣхъ знакомый красный халатъ, на этотъ разъ ѣхавшій не впереди прочихъ, а сзади кого-то другого, подъ которымъ караковый скакунъ такъ и прыгаетъ, такъ и рвется впередъ всѣхъ, закусивъ ярко высеребренные удила. То племянникъ Кушбеги, состоящій въ важномъ чинѣ „мирахора“ (шталмейстера), встрѣчаетъ гостей. Всадники поравнялись, посыпались обычныя привѣтствія съ крѣпкими рукопожатіями, красный халатъ едва успѣваетъ переводить. Молодое лицо „мирахора“, обрамленное черною бородою, съ живыми умными глазами, совершенно безстрастно, губы, кажется, машинально произносятъ цвѣтистыя фразы привѣта. Эта личина напускного спокойствія и полнѣйшей безучастности ко всему считается здѣсь особеннымъ шикомъ и признакомъ хорошаго тона.

Встрѣча и прибывшіе гости смѣшались безъ разбора въ общей массѣ и вмѣстѣ въѣзжаютъ въ городъ. Впереди всѣхъ, открывая шествіе, „мирахоръ“ въ синемъ халатѣ каратегинскаго шелка, опоясанномъ широкимъ поясомъ малиноваго бархата съ крупными подъ чернью серебряными бляхами; его

громадный тюрбанъ изъ индійской кисеи, какъ бунчукъ, маячитъ надъ сплошною массою чалмъ и киргизскихъ шапокъ его спутниковъ; горячій аргамакъ едва сдерживается опытною рукою, роскошно расшитый серебромъ его бархатный чепракъ сбился на сторону и задѣваетъ бѣлымъ шелкомъ своихъ кистей дорожную пыль. Улицы, кровли домовъ, глиняныя ограды сплошь усѣяны халатами самыхъ яркихъ, кричащихъ цвѣтовъ; куда ни глянешь—цѣлое разноцвѣтное море тюрбановъ, рваныхъ и расшитыхъ золотомъ и шелками тюбетеекъ такъ и переливается безконечными потоками предъ изумленными глазами. Кое-гдѣ въ садахъ изъ-за зелени исполинскихъ карагачей, платановъ и прочихъ деревьевъ мелькаютъ бѣлыя чадры женщинъ. Кажется, что весь Каратагъ высыпалъ посмотрѣть на пріѣхавшихъ „невѣрныхъ урусовъ“.

Въѣзжаемъ на обширный дворъ „ильчи-хона“ (посольское подворье), гдѣ для насъ заранѣе приготовлено помѣщеніе. Слѣзаемъ съ лошадей и, поднявшись на широкую глинобитную веранду, входимъ за ведущими насъ бухарцами въ большую комнату съ поломъ, задернутымъ русскимъ кумачемъ. Три туземныхъ кроватп стоятъ вдоль стѣнъ, посрединѣ столъ, на стѣнахъ нѣсколько заграничныхъ олеографій и рпсунки, вырѣзанные изъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и Богъ-вѣсть какъ занесенные въ эту глушь далекаго азіатскаго востока. Молча всѣ стоимъ у порога; чалмоносцы предоставляютъ намъ наслаждаться нашею будущею спальнею. Перевод-

чикъ въ красномъ халатѣ тихо толкаетъ меня локтемъ и вполголоса спрашиваетъ по-узбекски: „бу бик кöп яхши мы?“ (Вѣдь хорошо? а?). Спѣшу выразить за всѣхъ насъ полнѣйшій восторгъ. Пройдя чрезъ двѣ небольшія комнатки, вступаемъ въ столовую,—длинную и низкую комнату съ громаднымъ столомъ посрединѣ. Здѣсь полъ, потолокъ и стулья—все затянуто кумачомъ. На столѣ, покрытомъ клеенкою, самый разнообразный достарханъ: нѣсколько чайниковъ съ чаемъ, тарелки и сахарницы, наполненныя сахаромъ, миндаль, халва, сахарныя желтыя лепешки, пшеничныя лепешки на бараньемъ салѣ и всевозможныя сласти: русскія, бухарскія, афганскія и индійскія. Подлѣ стола съ достарханомъ племянникъ Куш-беги, переводчикъ и вся ихъ свита прощаются съ нами и уходятъ. Только что успѣваемъ выпить нѣсколько глотковъ чая, какъ появляется какой-то бухарецъ, неся огромное блюдо пилава, достаточное вполнѣ человѣкъ на десять; громада горячаго превосходнаго риса, облитаго масломъ, аппетитно дрожитъ при малѣйшемъ колебаніи рукъ слуги. И на безъ того тѣсно заставленномъ столѣ пилавъ едва умѣщается; бухарецъ безшумно исчезаетъ и чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени опять появляется съ громаднымъ лоткомъ, полнымъ дымящихся кусковъ вареной баранины. Это тоже помѣщается на столѣ. И вслѣдъ за этимъ, какъ будто открывался какой-то гомерическій ширъ, вносились и ставились, сначала на столѣ, а потомъ на полу, громадныя блюда всевозможныхъ яствъ.

Здѣсь была и жареная баранина, и жареныя въ собственномъ соку куры, и какая-то дичь, жареная на маслѣ вмѣстѣ съ кусками пшеничныхъ чурековъ, и кебабъ изъ баранины, и бухарская яичница, изъ муки, масла и яицъ, и супъ, и афганская каша изъ сала, сахара, масла и муки, и проч. Не только съѣсть все, даже перепробовать представлялось невозможнымъ, отказаться же отъ предлагаемаго угощенія нельзя, почему все .берется и вручается мѣстной прислугѣ и нашимъ людямъ.

До захода солнца остается еще съ полчаса. Пользуясь этимъ временемъ, идешь побродить по городу. Внутри его нѣтъ ничего интереснаго. Пыльныя, узкія улицы, застроенныя глиняными домами, крытые базары со всякою дрянью продаваемою въ нихъ, караванъ-сараи съ обширными дворами, невзрачныя мечети, нищіе-дервиши съ длинными косами, забредшіе сюда изъ отдаленныхъ горныхъ областей и Афганистана, всѣ въ черномъ, съ лоснящимися отъ масла лицами и съ священнымъ знакомъ Вишну *) на лбу, юркіе индусы, туземные евреи съ неизмѣнными пейсами, мѣстныя женщины въ темныхъ безобразныхъ халатахъ, съ лицами, наглухо закрытыми волосяною сѣткою, играющія полуголыя дѣти и тощія бродячія собаки,—

*) Налобный знакъ поклонниковъ Вишну состоитъ изъ двухъ косыхъ бѣлыхъ и одной красной полосъ, расположенныхъ въ видѣ цифры V, раздѣленныхъ вертикальной чертой. Красная полоса—знакъ женщины, а бѣлая—мужчины.

все это нисколько не отличаетъ лѣтнюю резиденцію Куш-беги отъ самаго заурядnаго восточнаго города.

Исколесилъ почти весь Каратагъ. Не удалось лишь побывать подлѣ дворца Куш-беги: по обычаю страны лицо, еще не представившееся властителю края, не имѣетъ права проходить мимо замка послѣдняго. Ужъ солнце садится за дальними горами, послѣдній снопъ его жгучихъ лучей тускло освѣщаетъ замирающія окрестности. Но это не долго продолжается: въ этихъ широтахъ сумерки мимолетны и ночь наступаетъ быстро.

На улицахъ встрѣчаются торопящіеся домой люди; базары заперты, подъ сводомъ ихъ темныхъ извилистыхъ корпусовъ мелькаютъ порою неясные силуэты ночныхъ сторожей. Сутолка и давка дня замираютъ. Торопливо идешь домой все болѣе и болѣе пустѣющими улицами, мертвыми переулками и пустыми площадями. Душный воздухъ чуть-чуть холодаетъ. Туманной дымкой подернулись горы, въ вечерней синевѣ потонули развалины старой крѣпости на горѣ, спневой одѣлись и деревья садовъ, и глиняныя массы построекъ, и зеркальная тишь Каратагъ-дарьи. Сквозь легкую дымку небосклона мерцаютъ загорающіяся звѣзды — „сверкающіе камни, украшающіе ризу Самосущаго Офридагора (Творца)“.

Совсѣмъ ужъ стемнѣло, какъ вхожу на дворъ „Ильчи-хона“. На террасѣ, подъ тѣнью гигантской чинары, Мирахоръ полулежитъ на коврѣ и съ кѣмъ-то играетъ въ шахматы. Ночникъ тускло мерцаетъ

подлѣ. Приглашаютъ сыграть партію, но извиняешься тѣмъ, что спутники ждутъ ужинать. Просятъ послѣ ужина. Проходишь на свою половину; туземныя дымящіяся кушанья ужъ разставлены на столѣ и только ждутъ, чтобы имъ сдѣлали честь. Послѣ ужина выходишь на террасу и садишься рядомъ съ Мирахоромъ.

Съ нимъ есть что поговорить. Чрезъ переводчика онъ по газетѣ „Свѣтъ“ слѣдитъ за политикой „невѣрнаго Рума“ (западной Европы) и теперь очень интересуется, кто побѣдитъ въ настоящей войнѣ: Испанцы или Американцы? Да къ тому же онъ—Хаджи и такъ увлекательно разсказываетъ о своемъ путешествіи въ Мекку чрезъ Кавказъ и Константинополь и про обратный путь оттуда чрезъ Индію и Афганистанъ.

Что за чудная страна эта Индія! Чего, чего въ ней нѣтъ! И какъ ее забыть! Вотъ и теперь, спустя много лѣтъ послѣ возвращенія изъ нея, Хаджи-Мирахоръ часто, очень часто, читаетъ огромный фоліантъ на персидскомъ языкѣ „Описаніе трехъ царствъ Индійской природы“, который онъ купилъ за дорогую цѣну въ Бомбеѣ. Кое-что изъ этой рѣдкой и правдиво написанной книги читалъ онъ и мнѣ вечерами при неровномъ, дрожащемъ свѣтѣ ночника. Помню, что „перцовое дерево доставляетъ всѣмъ извѣстный перецъ; плоды этого дерева обладаютъ удивительнымъ свойствомъ: поѣстъ ихъ здоровый человѣкъ—навсегда оглохнетъ, поѣстъ слѣпой—тотчасъ прозрѣетъ“; въ какомъ-то мѣстѣ сѣверной Индіи „есть камень, изъ котораго течетъ

вкусное молоко, жители собираютъ его и даютъ своему скоту, который вслѣдствіе такого питанія дѣлается необыкновенно жирнымъ и жизнерадостнымъ". И про многія рѣдкостныя, диковинныя вещи разсказывалось въ этой толстой книгѣ въ массивномъ кожаномъ переплетѣ. Среди разговоровъ и чтенія часто задумывался о чемъ-то Хаджи, какъ будто вдругъ уносились его мысли въ таинственные далекіе края и онъ снова переживалъ тѣ моменты, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ его ноги попирали прахъ священныхъ странъ Востока. Только руки Мирахора машинально перебираютъ черныя стеклянныя бусы четокъ да глаза устремлены куда-то въ безпредѣльное пространство; слегка дотрогиваешься рукою до его колѣна и Хаджи сразу какъ-то очнется и, съ улыбкой извиняясь за свою разсѣянность, продолжаетъ прерванный разговоръ.

Не замѣчаешь, какъ пролетаетъ цѣлый часъ; скоро будетъ совершаться послѣдній намазъ,—надо заблаговременно уходить. Благодаришь Хаджи-Мирахора за его умныя медоточивыя рѣчи, желаешь ему спокойной, безмятежной ночи, жмешь руку и, напутствуемый пожеланіями, чтобы сонъ унесъ меня въ безпечальный міръ грезъ и чтобы райскія пери убаюкивали всю ночь, уходишь къ себѣ въ комнату приводить въ исполненіе эти прекрасныя пожеланія въ прекрасную ночь благодатнаго Каратага.

Тахта (туземная кровать) стоитъ подлѣ окна.

Наскоро раздѣваешься и, завернувшись въ простыню, ложишься на нее. Громадное безъ рамы окно до половины затянуто тонкою прозрачною кисеею. Тишина царитъ мертвая, только съ чинаръ, что осѣняютъ террасу, доносится звонъ цикадъ. Въ окно видно темное южное небо, тысячи звѣздъ сіяютъ на немъ слабымъ таинственнымъ блескомъ; видна туманная дымка Млечнаго пути—Божья дорога, по которой Азраилъ *) возноситъ къ престолу Самосущаго души праведныхъ и дѣтей. Едва замѣтно блеститъ своимъ фосфорическимъ свѣтомъ звѣзда грознаго Тимура и будто посылаетъ съ небесной высоты нѣмой упрекъ ничтожеству современныхъ потомковъ „Обладателя Вселенной“; прямо надъ головою безстрастно мерцаетъ око вѣчнаго Аллаха—кроваво-красный Альдебаранъ. Чѣмъ дальше всматриваешься въ это черно-синее необъятное небо, тѣмъ все больше различаешь звѣздъ въ его бездонной глубинѣ. Что-то таинственное, полное сладкихъ грезъ и очарованій, несется оттуда, сверху этого темнаго азіатскаго неба. Цикады между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе звенятъ и кажется, что отъ ихъ звуковъ дрожатъ подъ окномъ широкіе листы чинаръ и платановъ и незримо трепещетъ самая ночная тьма; душный, разслабляющій воздухъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и гонитъ прочь отъ глазъ сѣмена сна, которыя разбрасываетъ ангелъ Азраилъ.

*) Азраилъ—ангелъ сна и смерти по вѣрованію мусульманъ.

....— Пропало славное дѣло правовѣрныхъ въ Ферганѣ, слышится гдѣ - то подъ окномъ незнакомый голосъ:—разбили ихъ невѣрные; слышно, много будетъ казней. Души мучениковъ, какъ священные голуби, улетятъ въ рай, а ихъ нѣжныя тѣла изберутъ своимъ жилищемъ мрачную землю. Да, таксыръ *), продолжаетъ съ паѳосомъ тотъ же голосъ:—и зачѣмъ это устремили невѣрные свои нечистые взоры на Мауараннахръ **) и забрали въ свои скверныя руки его благословенныя земли?

— О, Худо! Неисповѣдимы пути Твои намъ, грѣшнымъ людямъ, — слышится неопредѣленный возгласъ Хаджи-Мирахора и затѣмъ наставительное замѣчаніе:—мы не принимали никакого участія, шейхъ-токсаба ***), въ Ферганскомъ возстаніи. Благородная Бухара здѣсь ни при чемъ! Если порохъ намъ прислали вмѣсто рису *), то, клянусь своею головою, не мы виноваты въ томъ, а ду-

---

*) Господинъ.

**) Мауараннахръ – Средняя Азія.

***) Токсаба - бухарскій военный чинъ, соотвѣтствующій нашему подполковнику или полковнику.

****) Это былъ, кажется, фактъ, по крайней мѣрѣ приходилось эту исторію слышать ото многихъ, вполнѣ достовѣрныхъ людей. Передъ Андижанскимъ ли возстаніемъ или послѣ, хорошо не помню, въ Бухару, въ самую столицу, пришелъ изъ Афганистана большой караванъ риса – 600 пудовъ. Когда его стали распаковывать, то въ тюкахъ вмѣсто риса оказался порохъ. По распоряженію Эмира, находившагося въ это время въ Петербургѣ, рисъ, чудесно превращенный въ порохъ, былъ конфискованъ и переданъ русскимъ властямъ.

маю—то дѣло инглизовъ. Бухарѣ нельзя мѣшаться въ такія дѣла: Дженаби-Али *) гоститъ теперь у Бѣлаго Царя: у нихъ большая дружба между собою издавна ведется!

— Да,—со вздохомъ отвѣчаетъ собесѣдникъ:—это вѣрно,—и потомъ сразу переходитъ на другую тему: скажите мнѣ, Хаджи-таксыръ. (вы много видѣли разныхъ странъ), есть-ли гдѣ еще такая блаженная, очаровательная страна, какъ наша Бухара?

Слѣдуетъ уклончивый отвѣтъ Хаджи-Мирахора:

— Для тѣхъ, кто нигдѣ не былъ, хороша и Бухара, а какъ родина она въ сотни разъ милѣе прочихъ странъ и городовъ.

— Ха, таксыръ, ха **), благородная Бухара! Какъ, таксыръ...

Но въ это время вдругъ раздался голосъ муэзина и прервалъ бесѣду обоихъ.

Азанъ ***) подхватили другіе азанчи и ихъ высокіе и зычные голоса пронеслись по городу изъ конца въ конецъ и огласили спящія окрестности священными словами призыва. „Богъ великъ! неслись во тьмѣ душной іюньской ночи первыя слова азана, звонкимъ эхомъ перекатывались они въ воздухѣ, врывались въ окно и лишній разъ напоми-

---

*) Титулъ Эмира, въ переводѣ значитъ „Высочайшая свѣтлость“.

**) Обычное восклицаніе всѣхъ таджиковъ, выражающее большое удовольствіе.

***) Азанъ—призывъ на молитву. Азанчи тотъ, кто призываетъ къ молитвѣ, т.-е. муэзинъ.

нали намъ, презрѣннымъ пришельцамъ изъ далекой, невѣрной Руси, что на этотъ разъ и мы находимся подъ особеннымъ Божьимъ благоволеньимъ *). „Спѣши ко спасенью“! закончилъ solo, отставшій отъ другихъ какой-то муэзинъ и послѣдняя дрожащая нота его красиваго, грудного баритона потонула въ ночномъ воздухѣ. Послѣдній вечерній намазъ начался.

Между тѣмъ, несмотря на разслабленіе и жаръ, усталость беретъ свое, глаза слипаются и „тѣло, выражаясь словами одного турецкаго писателя, невольно кутается въ покрывало покоя“. Сквозь сонъ еще долго слышится, какъ за окномъ Хаджи-Мирахоръ звучнымъ голосомъ читаетъ молитву.

...— У Тебя проспмъ помощи!... Веди насъ путемъ истиннымъ... а не путемъ тѣхъ, которые подъ гнѣвомъ и которые заблуждаются....

И долго еще звучали подъ окномъ священные стихи молитвы, долго сквозь сонъ слышался звонъ цикадъ, наконецъ Азраилъ взмахнулъ въ послѣдній разъ своими темными крылами и сонъ плотно сомкнулъ до утра усталыя вѣжды.

На другой день, въ 8 часовъ утра, мы должны были представиться Куш-беги. Пріѣхалъ за нами переводчикъ все въ томъ же неизмѣнномъ красномъ халатѣ, но на этотъ разъ, вѣроятно для представленія, со стальнымъ топорикомъ, заткнутымъ за

*) По вѣрованію магометанъ всякая мѣстность, оглашаемая голосомъ муэзина, пользуется въ тотъ моментъ особымъ расположеніемъ Аллаха.

серебрянымъ поясомъ: стальная ручка топора была обвита посрединѣ разноцвѣтною канителью. Вмѣстѣ съ переводчикомъ и нашимъ чиновникомъ мы пѣшкомъ отправились во дворецъ.

Впереди, важно выступая, идетъ переводчикъ. За нимъ слѣдуемъ мы. „Махрамъ-бекъ“ *). принарядившійся для представленія Куш-беги въ шелковый халатъ и ослѣпительно бѣлый тюрбанъ, потихоньку посмѣивается надъ нашимъ проводникомъ: у насъ-де въ Благородной Бухарѣ на такого важнаго пѣтуха и вниманія бы никто не обратилъ. Ишь кичится! Миновавъ базары, выходимъ на довольно просторную площадь предъ дворцомъ Куш-беги. На ней, въ сторонѣ, навѣсъ на столбахъ, подъ которымъ стоитъ 10 пушекъ, довольно первобытнаго типа; лафеты подъ ними едва держатся отъ ветхости. Одиннадцать солдатъ, очевидно, собранные къ нашему приходу, выстроились передъ этою артиллеріею; при нихъ „юзъ - баши“ (сотникъ). Однообразіе костюма, повидимому, у этихъ воиновъ соблюдается не строго. Правда, на всѣхъ черныя суконныя куртки, какъ и у нашихъ солдатъ, красныя кожаныя штаны и черныя барашковыя шапки (несмотря на жгучее солнце), но панталоны у кого запрятаны въ сапоги, у кого выпущены наружу, у нѣкоторыхъ на красныхъ погонахъ обозначено по-русски 2 б. (2-й батальонъ), у

*) *Махрамъ* — при бухарскомъ дворѣ названіе одного отдѣленія дворцовыхъ чиновъ, въ составъ которыхъ входитъ 8 различныхъ должностей, соотвѣтствуетъ нашему камеръ-юнкеру.

нѣкоторыхъ же и вовсе ничего не значится. Сотникъ — сѣдой старикъ въ такой же барашковой шапкѣ, какъ и вся его команда, одѣтъ въ длинный бархатный сюртукъ съ полковничьими эполетами и цѣлой коллекціей различныхъ военныхъ пуговицъ: русскихъ, афганскихъ и англо-индійскихъ; бархатные панталоны съ лампасами изъ золоченаго канта выпущены сверхъ бухарскихъ сапогъ съ высокими каблуками. При нашемъ прохожденіи мимо, солдаты по командѣ вскидываютъ на плечо свои ружья съ кремневыми затворами, а „юзъ-баши“, сдѣлавъ шагъ впередъ, отдаетъ своею шпагою честь такъ, какъ это у насъ дѣлаютъ офицеры, и въ одно и то же время дѣлаетъ лѣвою рукою подъ-козырекъ, опустивъ при этомъ глаза внизъ. Проходимъ мимо этихъ благодушныхъ бухарскихъ „марсовъ“ и направляемся къ дворцу.

Ворота дворца, выходящія на площадь, распахнуты настежъ. Входишь въ нихъ и попадаешь въ просторную, полутемную галлерею, гдѣ праздно сидитъ человѣкъ около ста разной челяди. При нашемъ появленіи здѣсь раздается смутный ропотъ, шуршатъ халаты, всѣ поднимаются. Переводчикъ высоко закидываетъ голову и, положивъ лѣвую руку на свой топорикъ, ни на кого не обращая вниманія, неспѣшной поступью движется впередъ. Въ глубинѣ галлереи навстрѣчу намъ торопливо идетъ Хаджи-Мирахоръ, на этотъ разъ совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ, встрѣчая насъ за городомъ.

На немъ теперь старенькій ситцевый халатъ, на

босыя ноги надвинуты простыя кожаныя туфли, на головѣ обыкновенная кисейная чалма; и лицо совсѣмъ измѣнилось: привѣтливая улыбка играетъ на немъ, важность манеръ и холодность смѣнились какою-то несвойственною ему суетливостью.

Проходимъ чрезъ громадный дворъ, поднимаемся на глинобитную веранду передъ переднимъ фасадомъ дворца и чрезъ одну изъ многочисленныхъ дверей входимъ въ небольшую комнатку. Хаджи-Мирахоръ снимаетъ у входа свои туфли, босой подходитъ къ низкимъ рѣзнымъ дверямъ, ведущимъ въ другую комнату, и тихо растворяетъ обѣ половинки, безмолвнымъ жестомъ приглашая насъ проходить впередъ. Самъ же съ нашимъ чиновникомъ остается въ передней: по этикету они не должны входить въ пріемную залу. Пропустивъ насъ въ слѣдующую комнату, Мирахоръ опускается на колѣни на полъ у дверей и, принявъ опять безстрастный видъ, сидитъ какъ статуя, терпѣливо дожидаясь конца аудіенціи.

Переступаемъ чрезъ порогъ; за нами, мягко шурша по коврамъ козловыми сапогами, двигается красный халатъ. Предъ глазами громадный залъ съ очень высокимъ потолкомъ изъ мелкихъ ярко-желтыхъ дощечекъ какого-то дерева; оконъ нѣтъ; въ стѣнѣ, обращенной на дворъ, рядъ дверей, покрытыхъ изящною рѣзьбою, надъ каждой изъ нихъ небольшія рѣшетки для притока воздуха. Въ залѣ царитъ прохлада и мягкій полусвѣтъ; стѣны выштукатурены; полъ сплошь устланъ дорогими ков-

рами: персидскими, текинскими, кашгарскими и бадахшанскими; посрединѣ — длинный столъ съ неизбѣжнымъ достарханомъ; съ одной стороны его три стула, vis-à-vie сѣдалище въ видѣ трона. Вся мебель задрапирована толстымъ краснымъ сукномъ. Подлѣ одной изъ стѣнъ, на полу, на подносахъ разложены груды разныхъ сластей, нѣсколько головъ сахару и ящики съ казанскимъ леденцомъ.

На тронообразномъ креслѣ сидѣлъ самъ Куш-беги, благообразный старецъ въ роскошномъ свѣтло-сѣромъ шелковомъ халатѣ, усѣянномъ крупными синими цвѣтами; на лѣвой сторонѣ груди у него былъ приколотъ какой-то туземный орденъ въ формѣ золотой броши съ драгоцѣнными камнями; индійская кисея на его тюрбанѣ была усѣяна едва замѣтными золотыми мушками. При нашемъ появленіи „Отраженіе Амира“ всталъ съ мѣста и, любезно поздоровавшись, подалъ каждому руку, украшенную двумя перстнями съ крупными бриллiантами. По приглашенію Куш-беги садимся за столъ, при чемъ немедленно подается чай по-европейски, въ стаканахъ съ серебряными подстаканниками и ложками. Переводчикъ, утратившій здѣсь всякую важность, положилъ правую руку на свой топорикъ, сталъ подлѣ стола и замеръ въ позѣ почтительной готовности. При посредствѣ его идетъ разговоръ. Получивъ на всѣ вопросы обстоятельные отвѣты, Куш-беги, повидимому, заинтересовался тѣми цѣлями, которыя преслѣдовала наша поѣздка и обѣщалъ намъ свое содѣйствіе и полную го-

товность помочь всѣмъ, что отъ него зависитъ. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы откланиваемся и выходимъ. Хаджи-Мирахоръ встаетъ, надвигаетъ свои туфли и опять съ какою-то торопливостью и сладкою улыбкою провожаетъ насъ далеко за дворецъ.

По возвращеніи въ „Ильчихона“ мы нашли въ своемъ помѣщеніи всѣ подносы съ разными сластями, ящики казанскаго леденца и головы сахара, которые лежали на полу у стѣны, въ пріемной залѣ, и теперь какимъ-то чудомъ, опередивъ насъ, очутились въ нашихъ комнатахъ. Это Куш-беги, по обычаю страны, прислалъ гостямъ почетный достарханъ.

4-го іюня 98 г.,
Каратагъ.

DUKE UNIVERSITY
LIBRARY

DURHAM, NORTH CAROLINA
27706

Duke University Libraries
D02369633W

D02369633W
DUKE-LSC